

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 6 Пятница, 25 февраля (10 марта) 1905 г. № 6

Государственная дума.

(Проектъ Сперанскаго).

I.

Въ 1797 году наслѣдникъ престола великій князь Александръ Павловичъ въ письмѣ къ

Генералъ-маіоръ В. П. Зыковъ,
командиръ 2-й бригады 9-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи, раненый въ бою у Ляояна.

Ген.-маіоръ В. А. Рейсъ,
начальникъ штаба портъ-артурскаго гарнизона, ведшій переговоры о сдачѣ крѣпости.

своему воспитателю Лагарпу рѣзко характеризовалъ современное положеніе вещей въ Россіи и отсутствіе какого-либо опредѣленнаго плана въ управленіи. „Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено,—писалъ наслѣдникъ.—Наконецъ, чтобы сказать однимъ словомъ,—благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя были совершены; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ.

Командиръ 4-го восточно-сибирскаго полка
полковникъ Мерчанскій,
герой Портъ-Артура.

Эвакуація раненыхъ изъ Портъ-Артура.
Съ наброска англійскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; достоинства здѣсь не причемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите, насколько должно страдать мое сердце".

Далѣе, юный великій князь ввѣрялъ своему наставнику завѣтную, смѣлую мечту о переустройствѣ Россіи въ будущемъ, о дарованіи странѣ свободы, чтобы „не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ".

„Это, писалъ Александръ, заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація имѣла бы своихъ представителей".

Трое молодыхъ сподвижниковъ и ближайшихъ друзей Александра--Новосильцевъ, графъ Строгановъ и князь Чарторижскій—лелѣяли ту же мечту. Положить начало распространенію знанія и просвѣщенія умовъ было первой задачей юной семьи друзей. Знаніе и просвѣщеніе—основа всего.

„Когда же придетъ и мой чередъ,—восторженно говорилъ Александръ, ласкаемый своей мечтой,—тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Провидѣніе благословило нашу работу, удалился бы въ какой-нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ"...

...„Дай Богъ, чтобы когда-либо мы могли достигнуть цѣли даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тиранніи".

Таково было настроеніе будущаго императора въ мрачную эпоху павловскаго режима, когда кругомъ раздавался „ревъ Норда сиповатый".

Начало его царствованія было „милой весны явленіемъ", несшей „забвенье всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы". Вьюги и стужи послѣдней истомили всѣхъ.

Мечты о переустройствѣ стараго зданія, мысли о свободѣ были у всѣхъ. Духъ времени, духъ либеральныхъ новшествъ чувствовался ясно.

„О, власти сильныя, и вы внемлите! и тѣснить блюдитесь вамъ данный управлять народъ", — пѣлъ, привѣтствуя новые дни, Державинъ. „Сколь необузданность ужасна, сколь ты, свобода, намъ мила и съ пользою царей согласна",—вторилъ Карамзинъ. Проводя яснѣе и опредѣленнѣе свою мысль, послѣдній подчеркивалъ, что свобода только тамъ, „гдѣ есть уставы". „Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ".

У Россіи, дѣйствительно, ихъ не было. Въ этомъ одинаково сходились и отцы „изъ стаи екатерининскихъ орловъ", и дѣти, провидѣвшія лучшее будущее.

Громко заговорили о томъ, что такъ долго таилось подъ спудомъ тайны. Маски были сброшены, покровъ сорванъ, и раздались рѣчи—настойчивыя, опредѣленныя, о правахъ личности, объ обузданіи самовластья...

Самъ юный императоръ заявлялъ: „Я никогда не буду въ состояніи привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически".

Для всѣхъ мыслящихъ умовъ Россіи было ясно, что коренныя реформы преобразованія политическаго строя государства необходимы.

Три сподвижника юности Александра — ближайшіе его друзья и совѣтники—входять въ составъ особаго неоффиціальнаго комитета по преобразованію имперіи. Четвертымъ ихъ сотоварищемъ явился князь В. П. Кочубей. Предполагалось предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи и, наконецъ, общаго управленія страною.

Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ въ дѣлахъ комитета явился Сперанскій.

Сближеніе этого замѣчательнаго государственнаго человѣка съ императоромъ, цѣлые вечера, посвященные совмѣстнымъ бесѣдамъ и чтенію сочиненій, близко касающихся вопросовъ намѣченнаго преобразованія, все это являлось поводомъ къ ряду новыхъ плановъ, которые должны были навести на путь блага и добра.

„У насъ люди лучше, но установленія хуже"—таковъ отвѣтъ Сперанскаго на вопросъ Государя, какъ ему нравится за границей.

Этотъ отвѣтъ объясняетъ многое. Установленія нуждались въ коренномъ преобразованіи.

Выработать общій планъ политической реформы было поручено Александромъ Сперанскому. Тотчасъ же по возвращеніи изъ-за границы (Сперанскій сопровождалъ Александра во время поѣздки Императора на эрфуртское свиданіе), неутомимый труженикъ принимается за огромную работу — составленіе плана всеобщаго государственнаго образованія.

Новаго, въ смыслѣ того, что высказывалось самимъ императоромъ и сильно поддерживалось членами неоффиціальнаго комитета, этотъ планъ не содержитъ. Въ немъ только приведено въ извѣстное расположеніе, въ систему все высказанное раньше и близкое мечтамъ Александра.

„Весь разумъ сего плана,—писалъ императору Сперанскій,—состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствіямъ сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы".

Еще въ 1803 году, по порученію князя Кочубея, составляя проектъ (такъ и не получившій осуществленія) устройства правительственныхъ учрежденій, Сперанскій проводитъ въ немъ мысль о свободѣ всѣхъ состояній въ государствѣ и объ участіи ихъ въ законодательной власти, причемъ вся исполнительная власть должна принадлежать одному лицу, которое и утверждаетъ всякое законодательное дѣйствіе.

Общее мнѣніе оберегаетъ законъ. „Исполнители" зависимы отъ „независимаго сословія народа" (т. е. отъ законодательнаго собранія). „Существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ". „Судъ не лицомъ Государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ учрежденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могутъ". Далѣе, по его убѣжденію, „всѣ дѣйствія правительства должны быть публичны, кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ. Печать должна быть свободна, но границы этой свободы должны быть точно опредѣлены".

Въ проектѣ 1809-го года встрѣчаются уже значительныя отклоненія отъ прежняго. Въ главныхъ, существенныхъ чертахъ этотъ планъ сводится къ слѣдующему: учреждается особое законодательное собраніе. Члены его—выборные. Ихъ мнѣнія, совершенно свободныя, должны быть точнымъ выраженіемъ народныхъ желаній. Санкція постановленій собранія послѣднему не принадлежитъ. Его роль и значеніе чисто совѣщательныя.

Исполнительная власть принадлежитъ одному правительству, но оно должно быть отвѣтственнымъ предъ законодательнымъ собраніемъ. Правительство не можетъ искажать или уничтожать законы по своему усмотрѣнію, не выслушавши точнаго выраженія народныхъ желаній.

Какъ неотдѣлимая часть цѣльной системы, въ этотъ планъ вошелъ и проектъ о новомъ учрежденіи: законодательномъ собраніи, названномъ Сперанскимъ государственной думой.

II.

Старая боярская дума стояла во главѣ древне-русской администраціи, была тѣмъ „маховымъ колесомъ", которое приводитъ въ дѣйствіе весь правительственный механизмъ. „Она же большею частью и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правительству". „Но, по выраженію профессора Ключевскаго, эта правительственная пружина, все приводившая въ дѣйствіе, оставалась сама невидимкой для тѣхъ, кто двигался по ея указаніямъ. Она никогда не становилась передъ обществомъ, которымъ управляла. Докладчики, протоколисты, дьяки всегда ее заслоняли".

Древнее учрежденіе, ведущее свое начало отъ Владиміра, мало-по-малу измѣняло свой характеръ и изъ всесословнаго обратилось въ односословное, боярское, становилось въ Москвѣ дворцовымъ совѣтомъ по недворцовымъ дѣламъ; наоборотъ, въ Псковѣ и Новгородѣ боярская дума при князѣ превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ.

Совсѣмъ иное мѣсто и назначеніе опредѣлялъ Сперанскій государственной думѣ.

Составъ ея — выборный, всесословный. Срокъ полномочій депутатовъ — трехгодичный. Порядокъ выборовъ слѣдующій: каждые три года каждая волость, въ составѣ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности, открываетъ особое собраніе—„волостную думу". Отъ 500 душъ казенныхъ селеній посылается одинъ. И тотъ—старшина.

Остальные безземельные, каковыми была вся Россія въ лицѣ своихъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, въ собраніи не участвуютъ. Участниками могутъ быть только собственники. Только принадлежащіе къ высшему и среднему состояніямъ надѣляются правами политическими и гражданскими. Низшее состояніе (т. е. безземельные крестьяне, дворовые, мастеровые) не пользуются правами политическими. Конечно, „рабы своихъ господъ" не могли имѣть какихъ-либо и гражданскихъ правъ, которыя оставлялъ имъ Сперанскій, но идея о „свободныхъ состояніяхъ" въ государствѣ, идея освобожденія крѣпостныхъ была близка его сердцу.

Волостная дума собралась. Она должна выбрать депутатовъ въ окружную думу. Послѣдняя въ свою очередь выбираетъ депутатовъ въ губернскую думу. Но не только ихъ однихъ. Нужны еще выборные люди въ окружный совѣтъ и окружный судъ. (Члены судебнаго сословія, по плану Сперанскаго, должны быть непремѣнно выборными. Надзоръ же за дѣйствіемъ судебныхъ установленій остается за правительствомъ).

Выборы окружной думы закончены. Выборные съѣхались въ центръ губерніи. Губернская дума открыта. На ней лежитъ полномочіе выбрать депутатовъ въ государственную думу. Въ послѣднюю могутъ попасть только имѣющія политическія права, только дворяне и средній классъ, при условіи обладанія извѣстнымъ цензомъ, т. е. недвижимой собственностью. Такимъ образомъ, порядокъ выборовъ принятъ былъ трехстепенный.

Каждый годъ собирается и засѣдаетъ государственная дума. Сессія ея не ограничена срокомъ. Собирается дума безъ всякаго особаго созыва. Предметы занятій ей предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ. Дума обсуждаетъ поставленные напередъ вопросы, но утвержденіе ихъ отъ нея не зависитъ. Необходима санкція державной власти; въ то же самое время ни одинъ законъ не получаетъ осуществленія безъ предварительнаго разсмотрѣнія его государственной думой.

Самой думѣ, впрочемъ, было предоставлено нѣкоторое право возбуждать представленія о государственныхъ нуждахъ, объ отвѣтственности министровъ и о тѣхъ мѣрахъ правительства, которыя, по самому своему существу, являются нарушеніемъ коренныхъ законовъ.

Министры отвѣтственны предъ думой, но преданіе суду министра могло состояться не иначе, какъ съ утвержденія державной власти. Судъ, какъ въ низшихъ инстанціяхъ, такъ и въ высшей—сенатѣ,—долженъ быть, по проекту, выборнымъ. При назначеніи членовъ, державная власть должна руководиться спискомъ лицъ, внесенныхъ по выборамъ губернскихъ думъ въ государственный избирательный списокъ. Выборный судъ въ двухъ высшихъ инстанціяхъ долженъ имѣть представителей по назначенію, въ сенатѣ же предсѣдатель назначается верховной властью непосредственно изъ кандидатовъ, выбранныхъ самимъ сенатомъ.

Такимъ образомъ, по проекту Сперанскаго общая реформа сводилась къ такимъ чертамъ: обновленный государственный совѣтъ, правительствующій сенатъ съ выборными сенаторами, съ отдѣленіемъ отъ него сената судебнаго (тоже выборнаго), и государственная дума.

1810 годъ долженъ былъ явиться годомъ начала дѣйствія реформы. Были даже точно обозначены сроки предполагаемаго открытія новыхъ и обновленныхъ учрежденій. 1-го мая долженъ былъ появиться Высочайшій манифестъ о выборѣ депутатовъ въ государственную думу, а черезъ три мѣсяца открыться ея засѣданія, съ разсмотрѣнія гражданскаго уложенія. Послѣднее должно было быть первымъ камнемъ новаго зданія по устройству судебной части.

1 января 1810 г. открывается государственный совѣтъ.

Это было началомъ осуществленія проекта Сперанскаго, и въ то же самое время и началомъ конца его вліянія.

Проектъ Сперанскаго встрѣтилъ сильное противодѣйствіе. Нѣкоторыя изъ его частей, какъ, напр., о выборномъ сенатѣ, были проведены черезъ государственный совѣтъ и получили утвержденіе государя, но не вышли изъ области проектовъ.

Либеральныя вѣянія Александровскаго царствованія ослабѣвали, на рубежѣ новыхъ дней стояла уже мрачная фигура Аракчеева, затѣняя собою свѣтлаго „генія блага"...

Записка Карамзина „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ" была отвѣтомъ оппозиціи на реформы Сперанскаго.

Становились „излишними затѣями" всѣ предложенія и желанія реформатора „двинуть грудью толпу, которую никакъ сдвинуть съ мѣста не можно".

Надвигающіяся событія отечественной войны еще разъ заставили Сперанскаго въ бесѣдѣ съ Государемъ воскресить свой лежавшій подъ сукномъ проектъ о государственной думѣ. Онъ совѣтовалъ Государю поставить вопросъ о войнѣ на обсужденіе думы. Но настроеніе Александра уже рѣзко отклонилось отъ настроенія его вѣрнаго совѣтника. Льстецы и клеветники сдѣлали свое дѣло: зерно недовѣрія къ Сперанскому было уже заброшено въ подозрительную душу Александра.

Лесть и клевета, низость и подлость злорадно торжествовали паденіе Сперанскаго. Крушеніе всѣхъ его реформаторскихъ плановъ было уже подготовлено.

Честный реформаторъ, великій государственный умъ обвиняется въ... государственной измѣнѣ.

Россія измѣняла своему недавнему пути... Государственный корабль бралъ иной курсъ.

Недавній ея реформаторъ, кормчій государственнаго корабля, отдавался подъ надзоръ полиціи...

Ник. Н—овъ.

Совѣтъ министровъ.

Петровскія коллегіи дѣйствовали до 1802 года.

Реформа, произведенная по плану Сперанскаго, вмѣсто коллегій выдвинула новые органы государственнаго управленія — министерства. Тогда же былъ призванъ къ жизни комитетъ министровъ, т. е собраніе совѣта, составленнаго изъ лицъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ министерствъ. Въ комитетѣ, какъ въ собраніи всѣхъ министровъ, въ присутствіи Государя должны были обсуждаться предположенія всѣхъ отдѣльныхъ министровъ. Такое коллегіальное обсужденіе должно было, по мысли законодателя, оградить единство въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства.

Комитетъ, по первоначальному плану Сперанскаго, долженъ былъ явиться „ни мѣстомъ, ни установленіемъ", а только „особымъ образомъ доклада". Однако, „особый образъ доклада" вскорѣ же занялъ „верховное мѣсто въ Россіи" и сдѣлался особымъ установленіемъ, вѣдающимъ всѣ „дѣла къ государственному управленію относящіяся".

Въ 1861 году, по мысли князя Горчакова, учреждается съ полномочіями, равными комитету—совѣтъ министровъ. Послѣдній именно долженъ былъ олицетворить тотъ „особый образъ доклада", о которомъ говорилъ Сперанскій.

Личная форма доклада отдѣльныхъ министровъ Государю не вносила единства въ государственное управленіе. Форма коллективнаго доклада, намѣченная еще въ 1802 году и не осуществленная тогда, вновь признается необходимымъ условіемъ для „успѣшности государственной дѣятельности" въ 1861 году.

Совѣтъ министровъ собирается подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Членами его состоятъ всѣ министры и главноуправляющіе, пользующіеся правами министровъ, и другія лица по непосредственному назначенію Государя Императора. При всѣхъ засѣданіяхъ присутствуетъ государственный секретарь. Дѣла, поступающія на обсужденіе, вносятся въ совѣтъ не иначе, какъ каждый разъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Такими дѣлами являются: виды и предположенія къ устройству и усовершенствованію разныхъ частей, ввѣренныхъ каждому министерству; свѣдѣнія о ходѣ работъ по устройству и усовершенствованію, первоначальныя предположенія о необходимости отмѣнить, или измѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ (выработанный министерствомъ проектъ долженъ быть обязательно внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта). Н а п р е д в а р и т е л ь н о е разсмотрѣніе совѣта министровъ поступаютъ также проекты мѣръ, которыя требуютъ содѣйствія всѣхъ вѣдомствъ, и въ то же самое время по своему существу не подлежатъ разсмотрѣнію высшихъ государственныхъ учрежденій. Важнѣйшія распоряженія каждаго министерства, требующія общаго соображенія, заключенія особыхъ, учрежденныхъ Высочайшей властью комиссій, для разсмотрѣнія отчетовъ министерства,— также подлежатъ компетенціи совѣта, но не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Государя Императора.

Кромѣ того, на предварительное разсмотрѣніе совѣта министровъ могутъ быть вносимы тѣ дѣла, которыя будутъ назначены по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Засѣданія совѣта министровъ не имѣютъ точно опредѣленныхъ сроковъ. Они собираются каждый разъ по Высочайшему усмотрѣнію.

Докладчиками въ совѣтѣ являются непосредственно сами министры.

Всѣ дѣла, предназначенныя Государемъ къ докладу въ совѣтѣ министровъ, препровождаются къ завѣдывающему дѣлами за три дня до назначеннаго засѣданія.

Докладъ можетъ быть письменный и устный. Въ послѣднемъ случаѣ министръ-докладчикъ обязанъ сообщить завѣдывающему дѣлами совѣта краткую справку о предметѣ доклада.

Должность завѣдывающаго дѣлами совѣта и управляющаго дѣлами комитета министровъ совмѣщается въ одномъ и томъ же лицѣ.

Разсматриваемыя совѣтомъ дѣла получаютъ Высочайшую резолюцію или немедленно по окончаніи преній (особо важныя и сложныя), или обращаются къ новому разсмотрѣнію внѣ Высочайшаго присутствія въ особыхъ комиссіяхъ, составленныхъ изъ членовъ совѣта и другихъ, лицъ особо для этого назначаемыхъ непосредственно Государемъ.

Высочайшая резолюція на оконченныхъ разсмотрѣніемъ дѣлахъ пишется самимъ министромъ на его докладѣ. Въ случаѣ же „многосложности резолюціи и необходимости особаго изложенія всѣхъ бывшихъ на совѣтѣ сужденій", проектъ резолюціи заготовляется завѣдывающимъ дѣлами совѣта по соглашенію съ подлежащимъ министромъ и затѣмъ уже представляется на Высочайшее утвержденіе.

Утвержденіемъ совѣта министровъ нисколько не измѣняется порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и другихъ учрежденіяхъ.

Послѣднія сохраняютъ свой опредѣленный кругъ занятій...

Совѣтъ это именно ни „установленіе", ни мѣсто, а образъ коллективнаго доклада. За сорокъ лѣтъ своего учрежденія „совѣтъ" собирался лишь только въ особо-исключительныхъ случаяхъ...

Н.

Воспоминанія и мемуары.

Толстый журналъ и еженедѣльникъ.—Новое о Чернышевскомъ въ статьѣ К. Н. Льдова — „Дѣло" о Пушкинѣ изъ архивовъ III-го отдѣленія.

I.

Среди многочисленныхъ эволюцій, какія совершили послѣднія десятилѣтія въ литературномъ и журнальномъ дѣлѣ, можетъ быть отмѣчена одна, внѣшняго свойства эволюція — устраненіе писательскаго предубѣжденія, долгое время существовавшаго у насъ въ отношеніи еженедѣльнаго журнала.

Брошенное нѣкогда весельчакомъ фельетоннаго дѣла барономъ Брамбеусомъ изре-

Ген.-адъют. К. К. Максимовичъ,
назначенный командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа и варшавскимъ генералъ-губернаторомъ.

ченіе насчетъ Ванькиной литературы цѣликомъ примѣнили къ сѣренькимъ тетрадкамъ, направившимся въ огромную, по преимуществу, провинціальную читательскую массу. Во дни оны еженедѣльникъ-эмбріонъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ способенъ былъ обслуживать читателя не очень высокихъ вкусовъ. Переводный бульварный романъ ставился во главу угла въ „Пчелахъ“ и „Иллюстраціяхъ“. Когда Марксъ, въ самомъ началѣ своей карьеры, объявилъ конкурсъ на романъ,—самымъ значительнымъ соискателемъ преміи, на долю котораго и выпалъ успѣхъ, оказался писатель такихъ скромныхъ силъ, какъ Клюшниковъ, потомъ и редактировавшій журналъ извѣстное время.

Съ тѣхъ поръ утекло много времени. Сѣренькіе журнальцы преобразовались. Создалась у нѣкоторыхъ изъ нихъ несомнѣнная литературность. Огромны заслуги иллюстрированныхъ журналовъ. Они бросили въ массу классиковъ. Они страшно подняли писательскій гонораръ. Конечно, они, при всѣхъ своихъ дефектахъ, современемъ повысили вкусы „большого читателя“. Пренебреженіе къ страницамъ еженедѣльника стало таять. Еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ Писемскій отдалъ одному изъ такихъ журнальцевъ своихъ „Массоновъ“. Гончаровъ не побрезговалъ „Нивой“. „Воскресенье“ Толстого окончательно взломало ледъ. Въ послѣднія десятисѣтія рядомъ съ именами специальныхъ поставщиковъ „иллюстрацій“—Полевыхъ, Лебедевыхъ-Морскихъ, Авсѣенокъ и кн. Волконскихъ на двухстолбцовыхъ страницахъ ихъ прошли настоящіе мастера литературы до Лѣскова и Чехова включительно.

Командиръ 2-ой батареи 5-го мортирнаго полка, подполковникъ Д. Д. Федченко,
награжденный орденомъ св. Георгія 4-й степени за дѣло у деревни Ламатунь.

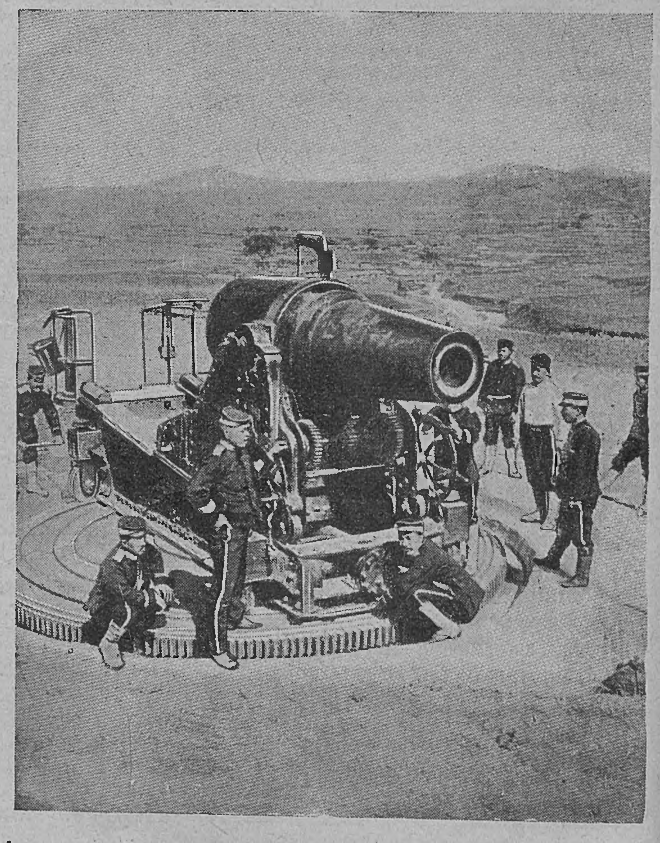
Подполковникъ 33-го восточно-сибирскаго полка М. Саницкій,
раненый въ бою у Ляояна.

II.

Критика, однако, не сняла своей брони предубѣжденія противъ еженедѣльниковъ. Это одна изъ сторонъ, гдѣ и либеральные представители нашей критики являются консервативными. Критика молчитъ объ еженедѣльникахъ и игнорируетъ ихъ съ пренебрежительностью былого времени. Единственное исключеніе она сдѣлала для Толстого и никогда не снисходитъ до другихъ авторовъ, печатающихся въ „Нивахъ“, „Сѣверахъ“ или „Живописныхъ Обозрѣніяхъ“, какъ не признаетъ романа даже выдающагося писателя, если онъ напечатанъ въ газетѣ. Слабая вещь извѣстнаго автора, напечатанная въ „тол-

Японская армія у Сандепу.
1) Рубка лѣса для сооруженія дорогъ и зимнихъ палатокъ. 2) Палатка японскаго генерала. 3) Постройка зимнихъ палатокъ.

Установка 11-дюймовыхъ осадныхъ орудій, которыя служили японцамъ у Портъ-Артура и въ настоящее время доставлены на сѣверъ Манчжуріи.

Начальникъ артиллерiи 3-го сибирскаго корпуса, полковникъ

Шверинъ,

награжденный орденомъ св. Георгiя за отличiя въ бояхъ подъ Ляояномъ.

Полковникъ 24-го восточно-сибирскаго полка

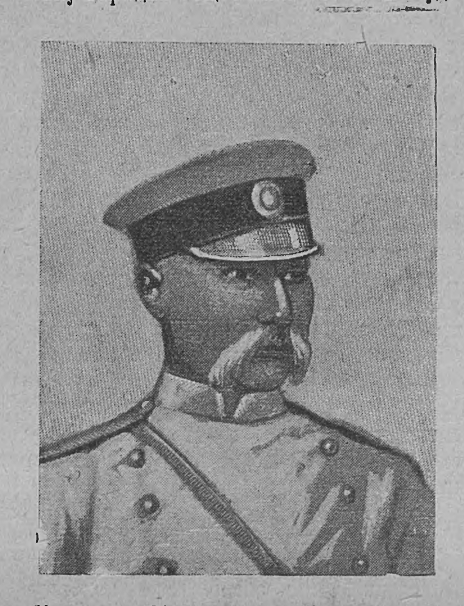
Ахвледiани,

награжденный орденомъ св. Георгiя за отличiя въ бояхъ подъ Ляояномъ.

стомъ" журналѣ, рождаетъ десятки откликовъ. Одновременно печатающаяся въ „иллюстрацiи" его же работа, по случайности, даже лучшая,—а литераторскiя рѣшенiя и литераторскiй бюджетъ сряду и сплошь опредѣляетъ полнѣйшая случайность, — встрѣчается полнымъ и фатальнымъ молчанiемъ, точно по уговору.

Время побѣждаетъ нравы и парализуетъ силу великаго „деспота межъ людей"—обычая. Думается, что должно невдалекѣ уже разсѣяться и отмѣченное критическое предубѣжденiе, въ силу измѣнившагося и продолжающагося измѣняться порядка вещей, по которому газета и иллюстрированный журналъ настойчиво заявляютъ свои требованiя прогресса и, само собою, за счетъ толстаго журнала. Довольно, напримѣръ, отмѣтить, что послѣднiй романъ Боборыкина („Обмiрщенiе") печатается сейчасъ не въ „Русской Мысли" и не въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ напечатаны въ этомъ году только небольшiя повѣсти, а въ одной газетѣ.

Естественно стягивая къ себѣ большiя писательскiя имена и уже устанавливая принципъ, что ему нужно не одно большое имя, а и хорошее произведенiе, — еженедѣльный журналъ подготовляетъ себѣ новое положенiе въ критикѣ. Недалеко время, когда съ нимъ въ силу порядка вещей такъ же нельзя будетъ не считаться критикѣ, какъ прежде ей было совершенно невозможно съ нимъ считаться.

Командиръ 24-го восточно-сибирскаго полка, полковникъ

Лечицкiй,

отличившiйся въ бояхъ у Ляояна и награжденн орденомъ св. Георгiя.

Нарушая обычай, отмѣтимъ напечатанныя въ „Живописномъ Обозрѣнiи" И. Н. Потапенка цѣнныя свѣдѣнiя о Чернышевскомъ, извлеченныя изъ собственныхъ его рукописей, эпохи томленiя въ г. Вилюйскѣ, К. Н. Льдовымъ. Свѣдѣнiя эти характерны и для обрисовки удивительной натуры великаго публициста и великаго страдальца, мягкой, чуткой, отзывчивой, и для уясненiя русской души „темнаго" человѣка, за свои духовныя тяготѣнiя полъ-вѣка назадъ попадавшаго въ страну, куда Макаръ телятъ гоняетъ. Сейчасъ, когда много говорятъ о свободѣ сектантской совѣсти и вспоми-

На судахъ третьей Тихоокеанской эскадры. — Приведенiе орудiй и минныхъ аппаратовъ на броненосцѣ „Адмиралъ Сенявинъ" въ боевую готовность.

наютъ конкретные примѣры страданія за фанатическую темноту, этотъ случай могъ бы быть интересной иллюстраціей.

III.

Въ 1879 г. Чернышевскій, пребывавшій тогда въ Вилюйскѣ, обратился къ правительству съ ходатайствомъ о помилованіи трехъ простолюдиновъ, по приговору суда отбывавшихъ наказаніе въ той же мѣстности.

Къ прошеніямъ Чернышевскаго приложены имъ два обширныхъ документа — „Разсказъ о моемъ знакомствѣ съ моими здѣшними друзьями, Катериною Николаевною, Ѳомою Павловичемъ и Матреною Никифоровною, служащій предисловіемъ къ дѣловой запискѣ о нихъ, надъ составленіемъ которой начну работать, дописавши этотъ разсказъ“ и—„Записка для его высокопревосходительства г-на шефа жандармовъ, составленная Н. Чернышевскимъ“.

Встрѣтился Чернышевскій съ героями своего разсказа въ Вилюйскѣ. Это были сектанты изъ Дубовки, центра тогдашняго молоканства, сосланные „по дѣламъ своей вѣры“. Наивныя понятія крестьянъ и крестьянокъ обратили на нихъ вниманіе недавняго властителя думъ молодого поколѣнія. Чернышевскій сблизился съ ними, и это было достигнуто имъ безъ труда при его простотѣ, ненапускной сердечности къ меньшому брату и удивительной идейной настроенности, выходившей не изъ головы, а прямо изъ сердца.

Сектанты раскрылись передъ ласковымъ товарищемъ по несчастію, и онъ увидѣлъ, какой вопіющей нелѣпостью являлась карательная ссылка въ Сибирь этихъ добрыхъ, кроткихъ, наивныхъ людей совершенно мирныхъ настроеній. Сами они даже не знали толкомъ, за что ихъ сослали, и Чернышевскому приходилось продѣлать длинную и нелегкую работу дружескаго допроса, прежде чѣмъ онъ выяснилъ себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Насколько темны были, въ смыслѣ развитія, эти люди, по существу не только не глупые, но, по прямому отзыву Чернышевскаго, даже умные, видно изъ того, что, по ихъ понятіямъ, судили ихъ „за то, что они *таковые*“. Недавній трибунъ „Современника“ съ трудомъ могъ разобраться, что это значитъ. Въ судѣ, при производствѣ, читались всевозможные бумаги съ частымъ упоминаніемъ канцелярскаго „таковые“. Темные дубовцы поняли эти слова совсѣмъ по особенному.

Преступленіе родоначальниковъ „секты“ двухъ семей—Богатенковыхъ и Киселевыхъ, по дознанію Чернышевскаго, оказалось сплошнымъ недоразумѣніемъ, которое было бы курьезнымъ, если бы не вело къ ужасамъ сидѣній въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Темные люди рѣшили, что они—„воины Христовы“. Воинамъ, какимъ бы то ни было, прилично вооруженіе. Старшіе взяли пару ружей да двѣ сабли, а малымъ, включительно до младенцевъ, вручили сабельки изъ дерева и даже изъ сахарной бумаги. И вотъ, въ одинъ злосчастный день, комическая процессія старыхъ и малыхъ темныхъ людей двинулась по Дубовкѣ къ дому полицейской канцеляріи сдать ей на храненіе свои деньги, чтобы цѣльнѣе заняться дѣломъ спасенія души. Несчастныхъ, въ ихъ шутовскихъ уборахъ, приняли за грабителей, сначала ихъ испугались, потомъ связали и обезоружили. Ихъ обыскали, арестовали, стали судить и засудили вплоть до Сибири. Страшная повѣсть о темныхъ душахъ, увы!—одна изъ тѣхъ, которыя не перевелись на Руси до сего дня...

IV.

Въ виду требованія, заявленнаго наслѣдникомъ имущественныхъ правъ Чернышевскаго, журналъ вынужденъ оборвать его разсказъ, не доведя его до конца. Это жалко. Безъ того слишкомъ много матеріаловъ такъ давно таится подспудно объ этомъ писателѣ исключительно трагической судьбы.

Любопытны въ передаваемомъ Льдовымъ разсказѣ нѣкоторыя мелкія подробности, удивительно характерныя для Чернышевскаго. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько штриховъ, намѣчающихъ, какъ постыло и уныло слагалась въ заплѣснѣвѣломъ Вилюйскѣ жизнь для нашего писателя, выброшеннаго въ сибирскую жизнь, въ среду живыхъ мертвецовъ, изъ оживленнаго и кипучаго Петербурга.

„Года два или два съ половиною тому назадъ,—пишетъ Чернышевскій,—мнѣ надоѣли здѣшнія знакомства, и я рѣшилъ прекратить ихъ до той поры, пока отдохну отъ скуки, наводимой ими на меня. Такъ прошло года полтора. Прошлой осенью, я почувствовалъ въ себѣ силу снова начать переносить скуку, доставляемую мнѣ здѣшними, большею частью, добрыми, но не имѣющими ничего общаго съ моими умственными интересами людьми. Только, чтобы они не надоѣдали мнѣ больше, нежели сносно для меня, я объявилъ имъ, что самъ я буду заходить къ нимъ, когда бываетъ у меня досугъ, но къ себѣ не буду принимать никого изъ нихъ: я человѣкъ, постоянно работающій, и отнимать у меня больше времени, чѣмъ могу я отдавать на знакомства, я отнынѣ допускать не намѣренъ. Исключеній не хочу дѣлать никакихъ. Оградивъ себя этимъ отъ ихъ надоѣданій, я возобновилъ знакомство съ ними“.

Трогательная и красивая подробность. Ссыльный писатель, недавній первый человѣкъ въ средѣ столичной интеллигенціи, держался въ Сибири обыкновенія подавать руку и говорить на вы даже съ простолюдинами. „Я говорю такъ,—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—даже и съ тѣми якутами, которые знаютъ по русски настолько, чтобы понимать разницу между ты и вы... Я давно пріобрѣлъ привычку подавать руку всѣмъ, съ кѣмъ говорю. Подаю руку и всякому якуту, который, повстрѣчавшись со мной на улицѣ, остановится сказать мнѣ: „здорово!“

V.

Превосходна статья о Чернышевскомъ В. Батуринскаго во „Всемірномъ Вѣстникѣ“, едва-ли не впервые въ русской литературѣ съ такою обстоятельностью, въ значительной полнотѣ оффиціальныхъ данныхъ, возстановляющая печальную повѣсть осужденія, страданій и грустнаго конца этого замѣчательнаго дѣятеля великой эпохи реформъ. Полна столь-же интереснаго историческаго матеріала только что вышедшая новая книжка этого симпатичнаго журнала. Продолжается цѣнный трудъ Батуринскаго о Герценѣ, даны матеріалы для исторіи декабристовъ („правительственныя сообщенія“ о 14 декабря 1825 г.), часть записокъ декабриста Якушкина.

Но гвоздемъ журнала въ новомъ году обѣщаетъ быть точно воспроизводимое „Дѣло 1-й экспедиціи 3-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи 1826 года“ —„о дозволеніи сочинителю Пушкину въѣзжать въ столицу и объ издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ“ и собраніе сочиненій и переводовъ К. Ѳ. Рылѣева.

„Письма Пушкина къ Бенкендорфу въ чистовыхъ оригиналахъ,—писалъ года два назадъ проф. И. А. Шляпкинъ въ предисловіи къ своей любопытной книгѣ „Неизданныхъ бумагъ Пушкина,“—хранятся, какъ мы слышали, въ архивѣ упраздненнаго III-го отдѣленія.“ Эта-то интереснѣйшая переписка воспроизводится сейчасъ С. С. Сухонинымъ въ цѣломъ видѣ. Вся исторія мытарствъ великаго поэта проходитъ здѣсь въ запечатлѣніи въ нумерованныхъ документахъ. Тяжелая исторія. Какія усилія превратить свободнаго, не привыкшаго къ канцелярщинѣ и чуждаго ей поэта въ исправнаго, почтительно рапортующаго чиновника, какія дальновидныя догадки цензурно-полицейскаго свойства по поводу невинныхъ строкъ его сочиненій, сколько благожелательныхъ совѣтовъ...

„Дѣло“ Пушкина открываетъ записка Бенкендорфа къ генералу Суворову. „Препровождая“ къ нему отрывокъ изъ извѣстнаго стихотворенія „А. Шенье“ („Привѣтствую тебя, мое свѣтило“), Бенкендорфъ освѣдомляется: „какой это Пушкинъ? Тотъ ли самый, который живетъ въ Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ?“

Оказывается — *тотъ*, и въ слѣдующемъ документѣ Бенкендорфъ уже передаетъ поэту утѣшительную для него вѣсть, что самъ Государь будетъ его цензоромъ. Между прочимъ, тутъ же сообщается: „Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, Вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить Вамъ мысли и соображенія“.

IV.

Пушкинъ прочиталъ „Бориса“ въ кругу друзей до представленія Бенкендорфу,—и къ поэту уже летитъ внушительная бумага, вынуждающая его рапортовать и оправдываться. „Борисъ“ представленъ Бенкендорфу, генералъ прочиталъ его и содержаніе онаго не одобрилъ.

„Въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства, или пламенное піитическое всображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало“.

Шефъ жандармовъ опредѣленно намѣчалъ правки. Между прочимъ, ему казалось необходимымъ, чтобы Маржеретъ выражался благопристойнѣе. Не нравились ему и монахи Мисаилъ и Варлаамъ, представленные „въ развратномъ видѣ“ и т. д. „За сими исключеніями и поправками, *кажется* (!), нѣтъ никакого препятствія къ напечатанію пьесы“,—заключалъ Бенкендорфъ. Впрочемъ, прибавлялъ: „разумѣется, что играть ее невозможно и не должно“.

Императоръ Николай I собственноручно написалъ по прочтеніи „Бориса“: „Считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть, или романъ, на подобіе Вальтера Скотта“.

Пушкинъ въ отвѣтномъ письмѣ генералу уклонился отъ предложенія. „Согласенъ, что болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“.

Когда Пушкинъ черезъ Дельвига, редактора „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, представилъ нѣсколько своихъ пьесъ, Бенкендорфъ „удивился“ незнанію поэтомъ канцелярскихъ приличій. Не могу скрыть вамъ крайняго моего удивленія, что вы избрали посредника въ сношеніяхъ со мною“.

На этотъ разъ, впрочемъ, Пушкину посчастливилось. Хотя строгій генералъ подвергъ и „Цыганъ“, и такую неповинную вещицу, какъ „Ночной разговоръ Татьяны съ няней“ обычному химическому анализу,—однако, вынесъ оправдательный вердиктъ пьесамъ. „Въ „Цыганахъ“, хотя говорится о свободѣ и вольности... но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода“...

Разбираясь въ „19-го октября“, Бенкендорфъ посовѣтовалъ:—„не нужно говорить о своей опалѣ, о несчастіяхъ,—когда авторъ

не былъ въономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ—за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію“.

Изъ „дѣла“ Пушкина пока воспроизведена только часть. Судя по реестру, дальнѣйшая переписка предлагаетъ столь же интересныя матеріалы для біографіи поэта, не включить которыя въ полное собраніе его сочиненій было бы ошибкою.

А. Измайловъ.

Н. С. Лѣсковъ о женщинахъ и дѣтяхъ.

(По поводу десятилѣтія смерти Н. С. Лѣскова).

I.

Со дня смерти Н. С. Лѣскова (21-го февраля 1895 г.) минуло десять лѣтъ, и мнѣ хочется помянуть его небольшимъ воспоминаніемъ объ отношеніяхъ Лѣскова къ женщинамъ и дѣтямъ.

Несмотря на значительный матеріалъ, собранный мною для біографіи Н. С. Лѣскова въ моей книгѣ „Противъ теченій“, я все-таки многимъ не воспользовался для полной его характеристики. Между прочимъ, помню, въ его кабинетѣ молодой беллетристъ В. И. Бибиковъ очень много распространялся по вопросу о любви къ женщинѣ во вкусѣ Мопассана, и я остановилъ его замѣчаніемъ:

— Любовь—это не лобзаніе ножекъ и ручекъ, а созданіе семьи и дѣтей, какъ будущихъ слугъ человѣка... Графъ Нулинъ, изъ Пушкина, совсѣмъ не понималъ серьезной стороны любви и съѣлъ пощечину вполнѣ заслуженно...

— Любовь—мгновенье, любовь—мечта, а дѣти—наши друзья, а не слуги человѣчества, перебилъ Бибиковъ съ неудовольствіемъ.

Между нами завязался споръ, который былъ прекращенъ тѣмъ, что Лѣсковъ попросилъ выслушать одно мѣсто въ его разсказѣ „Продуктъ природы“.

— У меня—читалъ онъ—былъ родственникъ, мужъ моей тетки, обрусѣлый англичанинъ. Онъ былъ человѣкъ недюжинный и въ одномъ отношеніи предупредилъ даже на сорокъ лѣтъ этику „Крейцеровой Сонаты“. Опасаясь, чтобы на него при выборѣ жены не подѣйствовали подкупающимъ образомъ „луна, джерси и нашленка“, онъ отважился выбрать себѣ невѣсту въ будничной простотѣ, и для этого объѣхалъ сосѣдніе дворянскіе дома, нарядившись „молодцомъ“ при разносчикѣ. Такимъ образомъ, онъ увидалъ всѣхъ барышень въ ихъ будничномъ уборѣ и, собравъ о нихъ свѣдѣнія отъ прислуги, сдѣлалъ брачное предложеніе моей тетушкѣ, которая имѣла прелестный характеръ. Вообще, о немъ говорили, что онъ—практикъ.

— Ну, и что же?—нетерпѣливо спросилъ Бибиковъ. По вашему это любовь? Это практицизмъ, а не любовь...

Лѣсковъ сердито отозвался:

— Вы изъ нея дѣлаете предметъ первостепенной важности, а женщины совсѣмъ не стоятъ того... Опору жизни не надо искать въ любви къ женщинѣ, а въ чемъ-то другомъ... Первое можетъ измѣнить, а второе не должно. Ну, какъ можно поручиться, что любимая вами женщина не умретъ черезъ годъ, и гдѣ тогда у васъ будетъ „опора“? Какъ можно поручиться, что, полюбивъ „хорошую“ женщину, вы не полюбите „лучшую“, если послѣдняя встрѣтится? Какъ, наконецъ, любить эту „лучшую“, если черезъ десять-двѣнадцать лѣтъ начинаютъ зубы выпадать, изо рта пахнуть, и даже плѣшь замѣтна на головѣ? Вотъ, вѣдь, и конецъ любви. Можно ли въ ней искать счастье жизни? Нѣтъ, надо его искать въ болѣе широкихъ задачахъ.

Увлекшись взглядомъ Лѣскова, я развилъ нѣсколько подробнѣе его мысль и произнесъ:

— Человѣчество нуждается въ героизмѣ. Ему нужны жертвы, его спасутъ герои, а не женщины и дѣти... Именно, здѣсь только нѣтъ разочарованія и только здѣсь имѣется вѣчная и прочная опора жизни для человѣка. Вотъ эту работу героическаго духа—боготворите, а не женщину, къ этой работѣ пріобщите и ея дѣтей.

— Точно вы не знаете нашихъ женщинъ, перебилъ меня насмѣшливо Лѣсковъ. Имъ гораздо милѣе мазать бобковой мазью животики своихъ дѣтей, чѣмъ приготовлять изъ нихъ „будущихъ слугъ человѣчеству“.

Бибиковъ не сдавался и возражалъ крикомъ:

— Но вѣдь дѣти—то же человѣчество!

— Но какое? Чортъ его знаетъ, что изъ него еще будетъ!—въ свою очередь закричалъ Лѣсковъ.—Неужели я буду сначала въ женщинѣ, а потомъ въ дѣтяхъ искать опору жизни? Я искалъ ее до сихъ поръ въ равныхъ мнѣ или высшихъ сферахъ. Неужели жить для дѣтей и не видѣть изъ-за нихъ огромнаго окружающаго міра? Вѣдь, его спасутъ не дѣти, а герои, какъ справедливо говорятъ вамъ... Вотъ, и идите за ними, а кто не можетъ—пусть возится съ женщинами и дѣтьми. Этого вѣдь и такъ много всюду. О чемъ тутъ хлопотать и зачѣмъ звать людей воду мочить? Нужно разъяснить имъ, что воду мочить глупо, а есть болѣе серьезное дѣло. Вотъ о чемъ слѣдуетъ говорить: о болѣе серьезномъ дѣлѣ, а не суживать его влюбленіемъ въ женщину и дѣтей... Но перестанемъ говорить о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ,—произнесъ неожиданно Лѣсковъ.—Лучше поговоримъ о дѣтяхъ... Поводъ есть къ тому.

Онъ позвонилъ прислугу и приказалъ подать въ кабинетъ чаю.

Наливая его въ чашки, онъ воодушевленно продолжалъ говорить:

— Недавно издательница одного дѣтскаго журнала просила у меня мой портретъ для своего изданія и обѣщала назвать меня „другомъ дѣтей“. Никогда! отвѣтилъ я ей. Никогда я не былъ другомъ дѣтей. Я не могу быть другомъ неизвѣстной величины. Моимъ другомъ можетъ быть только зрѣлый человѣкъ, съ политическимъ благородствомъ, съ характеромъ, способный бороться противъ соблазновъ, умѣренный въ своихъ привычкахъ и т. д. Я могу заботиться о пищѣ для дѣтей, о томъ, чтобы они были цѣлы и здоровы, но любить я могу только равное мнѣ или выше меня лицо. Но неужели я могу любить одинаково своего внука и Л. Н. Толстого или Вл. Соловьева? Да, никогда! И что за странность: любить дѣтей, рожденныхъ въ 1885 году, и не любить, рожденныхъ въ 1860 году... Значитъ, мы любимъ ихъ не за то, когда они родились, а за что они есть... А всякій ребенокъ—что такое есть? Да, Богъ его знаетъ: красивая дѣвочка, а изъ нея выйдетъ, можетъ быть, „милое и погибшее созданіе“; вотъ умный мальчикъ, да вѣдь умъ данъ ему отъ Бога, что же это за достоинство? Вотъ, посмотримъ, что онъ сдѣлаетъ съ этимъ умомъ? На что онъ направитъ свои способности? Вѣдь, и Грозный былъ не дуракъ, и Емелька Пугачевъ въ своемъ родѣ умный человѣкъ... Дѣти—это не рѣшенный вопросъ, неизвѣстная величина. Такъ называемая „дѣтская невинность“—есть только воображаемое достоинство. Вѣдь невинность не заключается же въ исключительномъ эгоизмѣ, а всѣ дѣти по преимуществу эгоисты и цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ гуманными и добрыми „слугами человѣчества“. За что же я буду любить ихъ, если слово любовь понимать серьезно? За маленькія ихъ ручки и ножки любятъ только женщины, и то сладострастныя; за разумъ и характеръ—но этого нѣтъ даже у юношей. Не даромъ Л. Толстой уступилъ молодое поколѣніе Н. К. Михайловскому. Это молодое поколѣніе сегодня пишетъ прокламаціи, а завтра напивается пьянымъ и заслушивается Оффенбаха... Самое мягкое отношеніе къ нему это то, что оно находится въ „броженіи“, и пока я подожду, что будетъ изъ него дальше... Левъ Николаевичъ-то какъ все это хорошо умѣетъ выразить. Въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Одесскаго Листка“ онъ прямо заявилъ, что молодежь—не его публика, что друзья его—зрѣлые люди, однѣхъ съ нимъ мыслей. Ну, какъ же я могу быть „другомъ дѣтей“? Я такъ и сказалъ издательницѣ дѣтскаго журнала, что если она напечатаетъ мой портретъ и назоветъ меня „другомъ дѣтей“, то я отопрусь печатно и скажу то самое, что вамъ теперь говорю. А. В. Круглова она можетъ считать „другомъ дѣтей“, ибо онъ, говорятъ, самъ дитя; Викт. Острогорскій—тоже „другъ дѣтей“, ибо онъ не всегда бываетъ въ своемъ видѣ и въ такомъ видѣ самого себя называетъ „другомъ дѣтей“. А я ни то, ни другое...

Свое отношеніе къ дѣтямъ Н. С. Лѣсковъ отмѣтилъ и въ разсказѣ „Зимній день“, гдѣ въ лицѣ любимой героини онъ говоритъ, что заботиться о дѣтяхъ должно, но любить можно только тѣхъ, кто самъ любитъ, а дѣти—неизвѣстныя величины.*) Однако, на практикѣ Николай Семеновичъ былъ болѣе нѣженъ къ дѣтямъ, чѣмъ въ сужденіяхъ о нихъ. Это особенно замѣтно изъ его писемъ о дѣтяхъ. Онъ пишетъ къ В. М. Макш—ой отъ 22-го декабря 1893 г. слѣдующее письмо:

„Милая Вѣрочка.

Посылаю вамъ сказочекъ, между которыми есть одна и моя. Кажется, онъ уже можетъ все это понимать. Поздравляю тебя съ праздникомъ, который, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ отличать отъ простыхъ дней, такъ какъ это—день рожденія истиннаго святого, который умѣлъ страдать отъ человѣческой грубости и глупости и училъ все это прощать. Желаю тебѣ научить этому твоихъ дѣтей, чтобы они могли ввести себя въ любовь Божію.

Преданный всѣмъ вамъ Н. Лѣсковъ“.

Въ письмахъ къ матери дѣвочки, которую Лѣсковъ воспитывалъ на правахъ родной дочери, мы читаемъ слѣдующее:

4-го (16-го) декабря 1889 г.
СПБ., Фуршт., 50.

„Ваши посылки и депеша получены, деньги 50 руб. тоже. Отвѣчать вамъ нельзя, потому что вы не подписываете адреса. Акція ваша не продана, потому что за нее даютъ только 60 руб. Изъ 50 руб. уплачено въ школу и за прописку Вари. Учится она хорошо и дѣвочка умная и понятливая. Все, что ей нужно, у нея есть, но жаль, что вы присылаете ей пустяки и вещи игрушечныя. Ей надо все, и все настоящее, а не кукольное—платки, чул-

*) — Она вотъ стоитъ за дѣтей, но она и ихъ, замѣтьте, не любитъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю, она вообще о дѣтяхъ заботится, но никогда ими не восхищается и даже ихъ не цѣлуетъ.

— Что не цѣлуетъ —это прекрасно.

— Положимъ, конечно, это, говорятъ, нездорово, но она это не любитъ!

— Неужели?.. Вѣдь, это всѣмъ женщинамъ врождено нѣжить дѣтей.

— Нѣжить, нѣтъ! Она допускаетъ только заботливость, а любить, по ея разсужденію, должно только того, кто самъ имѣетъ любовь къ дѣтямъ. А дѣти къ тому не способны.

— Да развѣ извѣстно, что изъ маленькаго выйдетъ?

— Такъ и она говоритъ! „Я не люблю неизвѣстныхъ величинъ, я люблю то, что мнѣ извѣстно и понятно“. („Зимній день“; т. XII, стр. 29—30).

Прапорщикъ каспійскаго полка **Лефлеръ**, раненный въ бою у Шахэ.

Капитанъ 18-го вост.-сиб. полка **Докучаевъ**, раненный въ бою у Шахэ.

Шт.-капит. каспійскаго полка **Афонасьевъ**, пропавшій безъ вѣсти въ бою у Шахэ.

Подпоручикъ читинскаго полка **А. Ерлыковъ**, убитый у Бансяпудзы.

Капитанъ каспійскаго полка **Скворцовъ**, раненный въ бою у Шахэ.

Капитанъ 147-го самарскаго полка **Кампіони**, раненный въ бою у Шахэ.

ки, сапоги, шапки и прочее. Не присылайте пустяковъ, а если захотите прислать, то присылайте ей настоящее, дѣльное и полезное. Ей уже 11-й годъ, и она не кукла, а ей все нужно. Ей сапоги нужны, какъ большой, и нельзя сморкать носъ въ платочки, какіе вы прислали воробью, а не дѣвочкѣ 10 лѣтъ. Не тратьте денегъ на пустяки, а если хотите, помогайте въ расходахъ дѣльныхъ. Депешу тоже прислали напрасно. Это лишнее. Вы вѣрно сонъ видѣли. Сны надо оставить. Въ будущемъ году въ большой школѣ за Варю придется платить уже не 50 руб. въ годъ, а 100. Учится она съ удовольствіемъ, и не дать ей доучиться всю школу—было бы грѣхъ и жалость. Это ей на всю жизнь: пусть учится какъ можно полнѣе, пока вы и я можемъ ей давать къ этому средства. Надо стараться, чтобы она могла быть учительницей или фельдшерицей, или рисовальщицей, чтобы не нуждалась искать мѣстъ и сама зависѣла отъ своего труда. А для этого надо окончить Annen-Schule и потомъ поступить на педагогическіе или на фельдшерскіе курсы. Учительница и ученая фельдшерица имѣютъ по 50 руб. въ мѣсяцъ и квартиру. Но это еще вдали, а пока надо хорошо учиться, и она учится. Въ маѣ только можно будетъ узнать, можетъ-ли она перейти въ большую школу, или ей придется пробыть еще годъ въ Elementara Schule. Къ празднику она принесетъ свои цензуры и надѣется, что она будетъ въ числѣ первыхъ десяти учениць. Васъ она часто вечеромъ вспоминаетъ. Н. Л.".

30-го авг. 1891 г.
СПБ., Фуршт., 50, кв. 4.

„Мы возвратились въ Петербургъ 15-го августа. Варя пошла въ классъ 16-го. Лѣтомъ она брала уроки всякій день и училась хорошо. Деньги, 65 рублей, отъ васъ получены и уплачены въ школу по 1-е января 1892 года. Варя растетъ, умнѣетъ и вообще очень разумная и добрая дѣвочка, собою не красивая, но миловидная и ловкая. За лѣто она очень выросла, и теперь ей сдѣлали всѣ новыя платья, длинныя до щиколотокъ, чего она очень хотѣла и чему она очень рада. Она уже мнѣ по плечо и довольно сильная. Въ новомъ классѣ ее часто спрашиваютъ и недавно ее похвалили передъ классомъ и ставили въ примѣръ другимъ. Понуждать ее къ ученію мнѣ не приходится, потому что она сама очень заботливая. Съ нынѣшняго года она будетъ учиться танцамъ и рисованію. Музыкѣ ее учить не буду, потому что у нее совсѣмъ нѣтъ слуха, и ученіе это только оторвало бы ее отъ уроковъ и не принесло бы ей никакой пользы. Варя интересуется знать, по какимъ соображеніямъ и при какомъ дѣлѣ вы остаетесь въ Ригѣ? Для нее это можетъ имѣть значеніе".

Н. Лѣсковъ.

Въ этихъ письмахъ Н. С. Лѣскова, хочется думать, просвѣчиваютъ не только дѣловитость и практицизмъ, которыми онъ исчерпывалъ вопросъ о дѣтяхъ, но и нѣжная привязанность и привычка къ нимъ. Но, разумѣется, онъ правъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, замѣчая въ дѣтяхъ будущаго звѣренка, онъ рекомендуетъ опору жизни искать въ болѣе крупныхъ людяхъ и въ задачахъ міроваго значенія, наполняющихъ душу человѣка счастьемъ умѣлаго исполненія великаго долга и призванія.

А. Фаресовъ.

Набѣгъ въ тылу японской арміи. — Казаки разрушаютъ путь вблизи японскихъ позицій.

Съ наброска корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., соб. д., 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей" С. М. Пропперъ.